

Образ российского правительства в воззрениях польской эмиграции в 1860–1870-е гг.

Д. А. Коско

В статье предпринята попытка определить образ российского правительства в воззрениях польской эмиграции в 1860–1870-е гг. В письмах, статьях, донесениях Третьего отделения, публикациях и воспоминаниях представителей польской эмиграции зачастую образ российского правительства в польской эмиграции носил черты «угнетателя» и «грабителя». Это объясняется несколькими факторами: многие эмигранты были участниками польских восстаний и лично столкнулись с репрессивной политикой царских властей. Политика русификации, развернувшаяся после январского восстания, также способствовала формированию негативного образа царских властей в польской эмиграции, так как она угрожала культурной идентичности поляков. Тем не менее, среди эмигрантов встречались и исключения: некоторые воспринимали российскую политику как испытание, необходимое для развития польского народа. Разнообразие взглядов в польской эмиграции на российскую власть связано как с католическим мировоззрением, воспринимающим страдания как вектор развития, так и с политической неоднородностью самих эмигрантов. В то время, как консервативное крыло искало поддержку в европейских правительствах, демократическое пыталось найти свое место в политической борье.

Ключевые слова: польская эмиграция, российское правительство, царизм, польское консервативное движение, польское демократическое движение, Александр II.

Для цитирования: Коско Д. А. Образ российского правительства в воззрениях польской эмиграции в 1860–1870-е гг. // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 10–23. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_10. EDN: BHHBDU

Введение

Польскую эмиграцию XIX в. в историографии принято называть великой. Она началась в 1830-х гг. и была вызвана напряженной политической ситуацией в царстве Польском после подавления ноябрьского восстания, которое проходило под лозунгом восстановления независимой Речи Посполитой в границах 1772 г. Новые волны эмиграции последовали и после неудачных попыток революции 1848 г. и январского восстания 1863–1864 гг. Однако послеянварская эмиграция не сыграла большой политической роли и не была такой многочисленной и продолжительной, как после ноябрьского восстания. По оценкам исследователей, на рубеже 1864–1865 гг. царство Польское покинуло около 8 тыс. беженцев, но значительная их часть осталась в Галиции, а остальные присоединились к небольшим группам эмигрантов 1831 и 1848 гг., главным образом во Франции (3,4 тыс.) и Швейцарии (600 чел.). Польские группы появились также в Бельгии, Германии, Англии, а также в Турции и Румынии (1,5 тыс.) [1, с. 8].

Во Франции, куда отправилось большинство польских эмигрантов, бывших участников восстания встретили с энтузиазмом во многом благодаря воинствующему и патриотическому духу. Эмигрантов здесь воспринимали скорее как гостей, чем чужаков, ведь у французов и поляков было много общего как в культурном, так и в политическом плане, поэтому были рады польским патриотам, которых воспринимали как романтиков, готовых на все ради справедливости.

Живя за пределами польских земель, эмигранты в большинстве своем вели активную политическую жизнь, они не забывали о своей родине и продолжали вести патриотическую пропаганду на территории царства Польского, создавали различные тайные организации, нацеленные на освободительную борьбу польского народа.

Вместе с тем в польской эмиграции существовали различные идеологические направления – консервативное и демократическое. Подобное деление было связано с пестрым составом эмиграции, который включал в себя как представителей шляхты, так и выходцев из крестьянских и мещанских сословий.

Неоднородность и идейно-политическая борьба во многом влияли на мировоззрение польских эмигрантов. Если представители консервативного направления были относительно уме-

ренными, старались искать поддержку в правительствах других монархических стран и опасались восстания среди польских крестьянских масс, то демократы чаще выступали под революционными лозунгами за независимость Польши.

В мировоззрении представителей обоих политических лагерей особое место всегда занимал образ России, который нередко было тесно связан с формированием и последующими трансформациями польской самоидентичности.

Новый этап в восприятии Российской империи в общественном мнении польской эмиграции наступил в 1864 г. в результате подавления январского восстания и его последствий в виде активной политики русификации Польши. Логично, что особое место в восприятии России в польском общественном мнении заняло царское правительство, проводившее репрессивную политику в отношении польского народа, которая трансформировалась в русификацию польских земель.

Актуальность данного исследования связана с необходимостью глубокого анализа многовековой истории сложных отношений между Польшей и Россией. Польша продолжает оставаться одним из ближайших соседей России, и многие противоречия, существовавшие на протяжении веков, остаются непонятными для обществ обеих стран.

Целью статьи является определение образа российского правительства в воззрениях представителей польской эмиграции в период после подавления январского восстания.

В польской историографии значительное количество трудов освещает деятельность великой эмиграции, отношение польских эмигрантов к российскому правительству после подавления январского восстания [2–5]. Следует отметить работы А. Кежунь и М. Понксиньского, которые, изучая тему образа России в польском общественном мнении второй половины XIX в., затрагивали и польскую эмиграцию [6; 7].

Отечественная историография в меньшей степени обращалась к теме образа российского правительства в польской эмиграции, чаще всего это происходило в контексте изучения вопроса о российско-польском революционном сотрудничестве [8; 9]. Так, в работах С. М. Фалькович и А. А. Травкиной, в той или иной степени раскрывается отношение поляков к Российской империи и к ее властям [10–12].

В отечественной историографии нет комплексных исследований образа российского правительства в польской эмиграции после подавления январского восстания.

Для написания статьи были привлечены документы из Государственного архива Российской Федерации: донесения российских посольств и агентурные донесения Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии о деятельности польских эмигрантов, а также перлюстрированные письма [13–17]. В числе важных источников исследования – издания эмигрантской и российской прессы [18–20], а также польские брошюры [21; 22].

Методологическая основа исследования опирается на принципы историзма и объективности, что позволяет анализировать объект в его конкретно-историческом контексте. Применяется метод систематического изучения источников и литературы, а также сравнительно-исторический метод. Для достижения комплексного понимания образа другого – образа российского правительства среди польской эмиграции – в статье используется имагологический метод с целью создания целостного представления о «другом», олицетворяемом российским правительством.

Результаты

Многие из польских эмигрантов являлись бывшими участниками, идеологами и лидерами январского восстания 1863–1864 гг. Поскольку оно носило освободительный характер и было направлено против власти Российской империи, то его подавление напрямую сказалось и на трансформации образа царского правительства в воззрениях польской эмиграции, чему во многом способствовали как факт подавления восстания в Польше, так и характер проводившейся впоследствии политики на ее территории.

Так, активный участник Польского демократического общества в Лондоне Антоний Жабицкий (1810–1877) на праздновании в 1865 г. годовщины ноябрьского восстания в своей речи закономерно затронул Российскую империю, охарактеризовав ее как государство, держащее в неволе страдающий польский народ. Обратившись к личности Александра II, Жабицкий обвинил его в полонофобской политике и сравнил его

с безумным императором Нероном. Характеризуя личности польского политика Александра Велёполского и брата императора Константина Николаевича, Жабицкий назвал их «верными соучастниками» русификаторской политики польских земель, созданными, чтобы «злобным смехом встретить кончину столетней жертвы и на ее могиле возобновить союз против свободы народов» [14, л. 6].

Характеризуя подавление январского восстания, Жабицкий называл Польшу «оплотом христианства и цивилизации», который был повторно унижен. А после событий 1863–1864 гг. Москва продолжила «издеваться над побежденной Польшей, грабить и наносить новые удары» [14, л. 8].

Будучи представителем демократического крыла польской эмиграции, Жабицкий сотрудничал с издававшимся А. И. Герценом и Н. П. Огарёвым «Колоколом» [23, s. 75], выступая за союз с русскими революционерами с целью избавиться от общих оков царского деспотизма: «Связанные с русским народом узами общего происхождения и говоря на близком ему языке, мы сумели передать ему наши чувства и убеждения <...>. Союз Польши с революционной Россией... не угрожает никому расовой войной» [19, s. 75].

Жабицкий с почетом относился и к декабристскому движению, но, несмотря на симпатии к русским революционерам, выступал с критикой панславистской идеологии, характеризуя союз с ними как ничего не имеющий «с утопией славянской федерации», поскольку в мировоззрении русских панславистов Россия должна была стоять во главе всех остальных славянских народов [2, s. 10].

Бывший участник январского восстания и активный представитель демократического крыла польской эмиграции в Швейцарии Агатон Гиллер (1831–1887) схожим образом высказывался в отношении русификаторской политики в царстве Польском. Так, по мнению Гиллера, царские власти с помощью цензуры и полиции распространили на польских землях «гробовое молчание, среди которого раздаётся только адский, искусительный голос сатаны» [14, л. 17].

Вместе с тем, давая оценку ситуации на польских землях после подавления Январского восстания, Гиллер делал акцент на необходимости влияния польской эмиграции на жителей

Царства Польского. Так, по мнению политика, периодическая печать в Российской империи всячески очерняла деятельность польских эмигрантов и приуменьшала ее значимость: «В продажных и полицейских журналах, издаваемых как на русском, так и на немецком языках, открыты целые столбцы лживой корреспонденции, почерпнутой якобы из ежедневной жизни эмиграции. С целью разрушения влияния эмиграции» [14, л. 19].

Крыстин Островский (1811–1882), бывший участник ноябрьского восстания, основавший совместно с Агатоном Гиллером Польский национальный музей в Рапперсвиле, дал характеристику политической элите Российской империи. В 1867 г. поэт выпустил художественное произведение «Два проклятия: Муравьев II и Александр II» [22], состоявшее из двух стихотворений. Первое посвящено личности Михаила Николаевича Муравьева, отношение к которому среди поляков было особенно негативным, поскольку под его руководством январское восстание было подавлено чрезвычайно жестокими методами, за что он был прозван в либеральных кругах «вешателем». В своем произведении К. Островский обвиняет Муравьева во всех злодеяниях, называя его «правой рукой разбойника-царя» и сравнивая его с библейскими чудовищами. И даже после смерти, он, как «кровавый призрак», продолжает пугать весь мир своими «преступными деяниями» [22, с. 3].

Во втором стихотворении К. Островский также не скупится на яркие образы, характеризуя личность Александра II. Он называет его «диким монстром в царском обличьи», который продолжает преследовать польский народ, и сравнивает его по степени жестокости с Иваном Грозным и Чингисханом [22, с. 12].

К образу Муравьева обращалась и пресса польской эмиграции, сводя во многом политику царских властей в Польше к жестокости подавления восстания военным деятелем. Так, в седьмом номере польской газеты «*Niepodleglosc*» дается следующая характеристика репрессивной политике России в Польше: «Москва – отчизна Муравьева, неистощимая в изыскании новых насилий и жестокостей» [18].

Владислав Эварист Броэль-Плятер (1808–1889), несмотря на принадлежность к консервативному направлению польской эмиграции, в 1876 г. на праздновании 45-летия «от памятного дня, в который Польша восстала против своего врага», произ-

нося речь, посвященную годовщине ноябрьского восстания, высказал схожее с Гиллером мнение в отношении политики Российской империи в царстве Польском. Так, для Плятера она представляла собой бесконечную череду злодеяний и угнетений в отношении польского народа: «Чрезмерные преследования религии и национальности, тюрьмы, ссылки, Сибирь, конфискации, грабежи и мученические смерти». Но все эти невзгоды, выпавшие на долю польского народа, по мнению Плятера, являются испытаниями, которые неспособны «ослабить польский дух» [13, л. 4].

Наполнено критикой царской власти и коллективное письмо, направленное в 1867 г. от лица польских эмигрантов министру иностранных дел Александру Михайловичу Горчакову (1798–1883). В письме анонимные авторы упрекали российское правительство в неслыханном варварстве и издевательствах над польским народом. На русификаторскую политику царских властей авторы письма готовы были ответить мстительно «правительству и подвластным ему, а также подданным и сторонниками российским» [16, л. 2].

Перечисленные выше мнения в отношении русского правительства были вполне органичны для представителей политически активных участников польской эмиграции, вне зависимости от приверженности к консервативному или же к демократическому лагерю. Упомянутые деятели польской эмиграции принимали активное участие в борьбе за независимость Польши, и вполне логично, что в Российской империи, частью которой являлось Царство Польское, они видели врага и угнетателя, стремившегося лишить польский народ свободы и культурной идентичности, прибегая к русификаторской политике.

Однако, несмотря на преобладающий негативный образ российского правительства в общественном мнении польской эмиграции, встречались и примеры объективно позитивного отношения к царским властям.

Один из них ксендз Кароль Микошевский (1832–1886), который в годы январского восстания будучи представителем демократического крыла эмиграции, как и А. Гиллер, состоял в Национальном центральном комитете. После событий 1863–1864 гг., Микошевский эмигрировал в Швейцарию, продолжая вести активную политическую деятельность. Однако в 1872 г.,

на праздновании годовщины январского восстания он неожиданно заявил, что польская эмиграция не может больше рассчитывать на Францию и западный мир в своих политических стремлениях к восстановлению независимости, в связи с чем полякам следует искать мира со своим братским народом: «будущность Польши в силах удовлетворительно устроить, с пользою для себя же, только русские» [21, s. 23].

По мнению Микошевского, страдания, через которые прошла Польша, были божьим испытанием, избавившим поляков от будущих ошибок. А российское правительство само стремилось как к примирению с польским народом, так и к осознанию его желаний и стремлений.

Речь Микошевского о воссоединении двух славянских народов нашла отклик и среди других представителей польской эмиграции. Так, вдохновленный речью Микошевского Марцелл Важневский направил найденное в Государственном архиве Российской Федерации верноподданническое письмо главному управляющему Третьего отделения Петру Андреевичу Шувалову (1827–1889) с просьбой профинансировать открытие в Женеве Славянского комитета, который помог бы полякам забыть давние споры с Россией и поспособствовал бы сближению двух славянских народов, соединив их «узлами неразрывного союза на вечные времена и для славы всего Славянского племени». По мнению Важневского, многие польские эмигранты уже давно желают «быть братьями России и соединенными с нею под скипетром Русских Царей для блага и свободы всего Славянства» [17, л. 6].

Интересным примером неоднозначного отношения к российскому правительству служит также отложившееся в Государственном архиве Российской Федерации письмо польского эмигранта Карла Байковского директору газеты «Варшавского дневника» с описанием своей жизни. Письмо, по мнению Байковского, должно было поспособствовать «прекращению распространяющегося безбожия» в царстве Польском.

В письме автор рассказывал о трансформации своего отношения к царским властям, которой поспособствовала религиозность Байковского. Характеризуя свои во многом русофобские взгляды в прошлом, Байковский пишет: «Мне было еще невозможно искренне смириться и сознать вину перед русскими..., и я чувствовал, что один только учитель может освободить меня

от ненависти к правительству и народу русскому без ущерба моему патриотическому чувству» [15, л. 2].

Размышляя с позиции веры, Байковский абсолютизирует мученическую роль польского народа и высказывает мнение о том, что все притеснения со стороны царских властей в отношении поляков стали заслуженным испытанием для них. Ведь только через страдания Польша сможет набраться мудрости и зрелости, которые помогут найти примирение между двумя народами и «протянуть друг другу братскую руку и раскаяться от глубины души, одни в том, что заслужили так долго страдать под игом своих братьев, другие в том, что заслужили быть орудием страданий для своих братьев» [15, л. 5].

Аналогичного содержания письмо направил на имя Александра II и Карл Грациянов, где выражал уверенность, что император «сожалеет об угнетениях и страданиях, которые нисходят на поляков» [15, л. 10]. И подобно Микошевскому и Байковскому, Грациянов рассматривал все эти несчастья как божье испытание для польского народа.

Обсуждение и выводы

Образ российского правительства в среде польских эмигрантов после событий 1863–1864 гг. нередко обладал чертами «угнетателя» и «грабителя». В свою очередь, представители политической элиты Российской империи воспринимались как жестокие «монстры», «разбойники» и «варвары».

Причин для такого восприятия российского правительства среди польских эмигрантов было несколько. Во-первых, польская эмиграция во многом состояла из бывших участников польских восстаний, которые лично столкнулись с жестоким подавлением освободительного движения, включающим в себя показательные казни и массовую ссылку участников восстания в Сибирь.

Во-вторых, после подавления январского восстания политика царских властей стала носить русификаторский характер, будучи направлена на ликвидацию автономии царства Польского. Был запрещен польский язык в школах и общественных местах, а поляки были вытеснены из государственных учреждений. Все эти меры, предпринятые российским правительством в Польше, были также негативно восприняты польскими эмигрантами, стремившимися сохранить культурную идентичность своего народа.

В-третьих, негативное отношение к российскому правительству способствовало сближению демократического крыла польской эмиграции с русским революционным движением на почве неприятия царизма и стремления к освобождению обоих народов от деспотичной власти Российской империи.

Неоднозначно было отношение польской эмиграции к российскому правительству – как к «мучителю», многие придавали этому сугубо негативный окрас. Однако были и исключения: некоторые поляки воспринимали подавление восстания царскими властями и русификаторскую политику в Польше как испытания для своего народа, которые он заслужил и которые должны были способствовать его развитию и даже сближению с Россией.

С одной стороны, причиной для такого восприятия российского правительства польскими эмигрантами могла быть присущая им система взглядов, основанная прежде всего на религиозном мировоззрении. Католическая вера формировала восприятие своего народа как мученика, способного вынести все испытания. Мученик, более того, должен был испытывать благодарность за эти испытания.

Другая причина прозаичнее – неоднородность польской эмиграции, направления которой ставили перед собой разные цели. Консервативное крыло выступало за монархическую форму правления и безуспешно пыталось найти опору в правительствах европейских стран. Демократы, в свою очередь, не были однородными и размежевались на отдельные течения, которые были увлечены политической борьбой между друг другом. И со временем, в связи с отсутствием единения, пониманием безрезультатности январского восстания и в условиях дефицита значимой поддержки европейских держав польская эмиграция стала редеть и терять свой политический вес. На это обращали внимание в том числе и агенты Третьего отделения в своих донесениях: «Политические обстоятельства не благоприятствуют мечтам поляков о возможности восстановить независимость Польши, при всем том, большинство этих выходцев не теряет надежду достичь осуществления своих преднамерений и даже уверены, что Франция по окончании войны с Пруссией и Австрией будут в состоянии возбудить польский вопрос» [16, л. 1].

Кроме того, на фоне усилившейся германизации польского населения в Познани и падения лояльной к польскому освобо-

дительному движению Второй империи, на рубеже 1860–1870 гг. встречается лояльное отношение некоторых представителей польской эмиграции к российскому правительству и их стремление к объединению двух народов. Показательным примером смягчения взглядов в этом отношении является статья «Польская программа 1872 года. Мысли о национальной задаче» Юзефа Крашевского, в которой автор польские восстания называет самоубийственными порывами слабой Польши против сильных империй, которые привели последнюю к истощению и ослаблению. Размышляя на тему русификаторской политики в царстве Польском, Юзеф Крашевский неожиданно называет ее временным явлением, которое в разы менее опасно, чем германизация, которая представляет собой для поляков «борьбу не на жизнь, а на смерть» [24, с. 49].

Список литературы

1. Фалькович С. М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 320 с. EDN: BIBUTG
2. Zdrada J. Wielka Emigracja po Powstaniu Listopadowym. – Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. – 80 s.
3. Kępiński A. Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. – Warszawa, Krakow: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1990. – 221 s.
4. Wiech S. Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896). – Kielce, Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 2002. – 446 s.
5. Nowak A. Polacy, Rosjanie i biesy. Studia i szkice historyczne z XIX i XX w. – Kraków: Arkana, 1998. – 270 s.
6. Kieźni A. Powstanie styczniowe w powieści i cyklu opowiadań. Kilka obserwacji. – Białystok, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2004. – 12 s.
7. Понксинский М. Русские и Россия в польской культуре конца XIX – начала XX вв. // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Индрик, 2000. С. 93–107. EDN: SBZRQW.
8. Ратч В. Ф. Польская эмиграция до и во время последнего мятежа. Вильна: Тип. Р. М. Ромма, 1866. 412 с.
9. Смирнов А. Ф. Революционные связи народов России и Польши (1830–1860-е гг.). М.: Изд. соц-экон. лит., 1962. 425 с.
10. Фалькович С. М. Представления русских о религиозности поляков и его роль в создании национального польского стереотипа // Россия-Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М.: Индрик, 2002. С. 99–109. EDN: UCFWOW.
11. Фалькович С. М. Польское национально-освободительное движение между панславизмом и пангерманизмом // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М.: Индрик, 2002. С. 228–242. EDN: UCCXEX.
12. Травкина А. А. Специфика польского романтического мессианизма XIX века // Вестник славянских культур. М.: Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). Институт славянской культуры, 2008. С. 56–64.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 2. Д. 553.
14. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 561.
15. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 145.

16. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2, Д. 547.
17. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2, Д. 502.
18. Московские ведомости. 1863. № 206.
19. *Demokrata Polski*. London. 1861. T. 12. S. 75–86.
20. *Przegląd rzeczy polskich*. 1863. № 7.
21. Mikoszewski K. Polska i Rossya w słowiańszczyźnie: mowa miana w Genewie, na zebraniu Polaków, dnia 22 stycznia 1872 roku w rocznicę Powstania Narodowego. – Genewa, 1872. – 24 s.
22. Ostrowski K. Dwa przekleństwa: Murawiew II, Aleksander II. – Paris: Księgarnia Luxemburska, 1867. – 17 s.
23. Драницын С. Н. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 304 с.
24. Kraszewski J. Program Polski z 1872 r. Myśli o zadaniu narodowym. – Poznań: Księgarnia J. K. Żupańskiego, 1872. – 52 s.

The Image of the Russian Government in the Views of Polish Emigration in the 1860s – 1870s

Danila A. Kosko

This article attempts to define the image of the Russian government in the views of Polish emigration during the 1860s and 1870s. The author examines letters, articles, reports from the Third Section, publications, and memoirs of representatives of Polish emigration and concludes that the image of the Russian government often bore the characteristics of an "oppressor" and "plunderer". This perception is explained by several factors: a lot of emigrants took part in Polish uprisings and personally encountered the repressive policies of the tsarist authorities. The policy of Russification that unfolded after the January Uprising also contributed to the formation of negative image of the tsarist authorities in Polish emigration, as it threatened the cultural identity of the Poles. Nevertheless, there were exceptions among the emigrants: some perceived Russian policy as a necessary trial for the development of the Polish people. The diversity of views within Polish emigration regarding the Russian authority was linked both to the Catholic worldview, which perceives suffering as a vector for development, and to the political heterogeneity of the emigrants themselves. While the conservative wing sought support from European governments, the democratic wing attempted to find its place in the political struggle.

Key words: Polish emigration, Russian government, tsarism, Polish conservative movement, Polish democratic movement, Alexander II.

For citation: Kosko, D. A. (2024) Obraz rossijskogo pravitel'stva v vozzreniyah pol'skoj emigracii v 1860–1870-e gg. [The Image of the Russian Government in the Views of Polish Emigration in the 1860s – 1870s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 10–23. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_10. EDN: BHHBDU

References

1. Fal'kovich, S. M. (2017) *Pol'skaya politicheskaya emigraciya v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Evropy 30–60-h godov XIX veka* [Polish political emigration in the socio-political life of Europe in the 30s–60s of the 19th century]. Moscow, Saint-Petersburg (In Russ.). EDN: BIBUTG.
2. Zdrada, J. (1987) *Wielka Emigracja po Powstaniu Listopadowym* [The Great Emigration after the November Uprising]. Warsaw (In Polish.)

3. Kepinski, A. (1990) Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu [Lach and Moskal. From the history of stereotype]. Warsaw, Krakow (In Polish.)
4. Wiech, S. (2002) Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896) [Society of the Kingdom of Poland in the eyes of the tsarist political police (1866–1896)]. Kielce. (In Polish.)
5. Nowak, A. (1998) Polacy, Rosjanie i biesy. Studia i szkice historyczne z XIX i XX w. [Poles, Russians and Demons. Studies and Historical Sketches from the 19th and 20th Centuries.] Krakow. (In Polish.)
6. Kieżun, A. (2004) Powstanie styczniowe w powieści i cyklu opowiadań. Kilka obserwacji [The January Uprising in the Novel and Short Story Cycle: Some Observations]. Białystok. (In Polish.)
7. Ponsin'skij, M. (2000) *Russkie i Rossiya v pol'skoj kul'ture konca XIX – nachala XX vv.* [Russians and Russia in Polish culture of the late 19th – early 20th centuries]. *Polyaki i russkie v glazach drug druga* [Poles and Russians in each other's eyes]. Pp. 93–108. (In Russ.). EDN: SBZRQW.
8. Ratch, V. F. (1866) *Pol'skaya emigraciya do i vo vremya poslednego myatezha* [Polish emigration before and during the last rebellion]. Vilna. (In Russ.)
9. Smirnov, A. F. (1962) *Revolucionnyye svyazi narodov Rossii i Pol'shi (1830–1860-e gg.)* [Revolutionary ties between the peoples of Russia and Poland (1830–1860s)]. Moscow. (In Russ.)
10. Fal'kovich, S. M. (2002) *Predstavleniya russkikh o religioznosti polyakov i ego rol' v sozdanii nacional'nogo pol'skogo stereotipa* [Russians' ideas about the religiosity of Poles and its role in the creation of the national Polish stereotype]. *Rossiya–Pol'sha. Obrazy i stereotipy v literature i kul'ture* [Russia–Poland. Images and stereotypes in literature and culture]. Pp. 99–109. (In Russ.). EDN: UCFWVOV.
11. Fal'kovich, S. M. (2002) *Pol'skoe nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie mezhdru panslavizmom i pangermanizmom* [Polish national liberation movement between Pan-Slavism and Pan-Germanism]. *Rossiya, Pol'sha, Germaniya v evropejskoj i mirovoj politike XVI–XX vv.* [Russia, Poland, Germany in European and world politics in the 16th – 20th centuries]. Pp. 228–242. (In Russ.). EDN: UCCXEX.
12. Travkina, A. A. *Specyfika pol'skogo romantycznego messianizmu XIX wieku* [Specifics of Polish romantic messianism of the 19th century]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. Pp. 56–64. (In Russ.)
13. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossijskoj Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (hereinafter – GARF). F. 109. Op. 2. D. 553.
14. GARF. F. 109. Op. 2. D. 561.
15. GARF. F. 109. Op. 2. D. 145.
16. GARF. F. 109. Op. 2. D. 547.
17. GARF. F. 109. Op. 2. D. 502.
18. *Moskovskie vedomosti* (1863) [Moscow Gazette]. No. 206. (In Russ.)
19. *Demokrata Polski* (1861) [Polish Democrat]. London. Vol. 12. Pp. 75–86. (In Polish.)
20. *Przegląd rzeczy polskich* (1863) [Review of Polish Things]. No. 7. (In Polish.)
21. Mikoszewski, K. (1872) Polska i Rossya w słowiańszczyźnie: mowa miana w Genewie, na zebraniu Polaków, dnia 22 stycznia 1872 roku w rocznicę Powstania Narodowego [Poland and Russia in Slavic: a speech given in Geneva at a meeting of Poles on January 22, 1872, on the anniversary of the National Uprising]. Geneva. (In Polish.)
22. Ostrowski, K. (1867) Dwa przekleństwa: Murawiew II, Aleksander II. Paris. (In Polish.)
23. Drancyn, S. N. (1937) *Pol'skoe vosstanie 1863 g. i ego klassovaya sushchnost'* [The Polish uprising of 1863 and its class essence]. Leningrad. (In Russ.)
24. Kraszewski, J. (1872) Program Polski z 1872 r. Myśli o zadaniu narodowym [The Polish Program of 1872. Thoughts on the National Task]. Poznan. (In Polish.)

Об авторе

Коско Данила Александрович, преподаватель-исследователь, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Российская Федерация; e-mail: dkoskoo@gmail.com; ORCID ID: 0009-0004-5742-4741

About the author

Kosko Danila A., Teacher-Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation; e-mail: dkoskoo@gmail.com; ORCID ID: 0009-0004-5742-4741

Статья поступила в редакцию 13.11.2024

Одобрена после рецензирования 17.11.2024

Принята к публикации 20.11.2024